

Жорж
Сименон

МЕГРЭ И
ГОСПОДИН
ШАРЛЬ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Мегрэ и господин Шарль

«Азбука-Аттикус»

1972

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ и господин Шарль / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1972 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15434-6

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ и господин Шарль». Комиссар Мегрэ – типичный парижанин. Он носит пальто с бархатным воротником, не расстаётся с трубкой и обожает греться у огня. Однако в любое время суток он готов покинуть свою уютную квартирку на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15434-6

© Сименон Ж., 1972
© Азбука-Аттикус, 1972

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жорж Сименон

Мегрэ и господин Шарль

Georges Simenon
MAIGRET ET MONSIEUR CHARLES

Copyright © 1972, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского О. Кутовой

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®
© О. Кутова (наследники), перевод, 2017

* * *

Глава 1

Мегрэ играл в лучах мартовского, еще немного зябкого солнца. Играл не в кубики, как когда-то в нежном возрасте, а в трубки.

На его письменном столе всегда лежало с полдюжины трубок, и всякий раз перед тем, как набить одну из них, он придирчиво выбирал ту, которая подходила под его настроение.

Плечи у Мегрэ были опущены, взгляд блуждал. Только что комиссар принял решение, чем будет заниматься оставшиеся годы службы. Он ни о чем не жалел, но принятое решение повергло его в некоторую меланхолию.

С самым серьезным видом он машинально раскладывал на бюваре трубки, пытаясь составить из них более или менее правильные геометрические фигуры или нечто напоминающее по своим контурам какое-нибудь животное.

Справа от него на столе лежала гора утренней почты, а заниматься ею у Мегрэ не было ни малейшего желания.

В сыскной полиции, где Мегрэ появился, когда не было еще девяти, его ждало приглашение от префекта полиции, что само по себе было редкостью, и он отправился на бульвар дю Пале, теряясь в догадках, что это могло означать.

Префект, радушный и улыбающийся, принял его сразу.

– Не догадываетесь, почему я хотел вас видеть?

– Признаюсь, нет.

– Присаживайтесь. Закуривайте свою трубку.

Префект был молод, ему, выпускнику престижной Высшей школы, едва исполнилось сорок. Он был элегантен, может быть, даже несколько чересчур.

– Вы, конечно, знаете, что начальник сыскной полиции после двенадцати лет службы уходит в будущем месяце в отставку. Вчера мы с министром внутренних дел обсуждали кандидатуру его преемника и сошлись во мнении, что этот пост может быть предложен вам.

Префект, конечно, ожидал, что на лице собеседника не замедлит появиться радостное выражение.

Мегрэ, напротив, помрачнел.

– Это приказ? – почти проворчал он.

– Естественно, нет. Но вы должны отдавать себе отчет, что это серьезное повышение по службе, может быть, самое серьезное, на которое может надеяться сотрудник сыскной полиции...

– Знаю. Тем не менее я предпочел бы остаться во главе отдела. Прошу вас правильно истолковать мой ответ. Вот уже сорок лет, как я занимаюсь оперативной работой. Для меня была бы мука проводить дни напролет в кабинете, изучая папки с делами и занимаясь в той или иной степени административными вопросами.

Префект не скрыл своего удивления.

– Вы не думаете, что не стоило вам давать ответ сразу, а сообщить мне его через несколько дней? Может быть, стоило бы также посоветоваться с госпожой Мегрэ?

– Она поймет меня.

– Я тоже понимаю вас и не хочу настаивать.

На лице префекта была тем не менее написана известная досада. Он понимал не понимая. Мегрэ были необходимы контакты с людьми, с которыми он встречался во время следствия, и его не раз упрекали в том, что он не ведет его из собственного кабинета, а активно вмешивается в него, беря на себя работу, обычно поручаемую инспекторам.

Мегрэ, ни о чем не думая, раскладывал трубки. Фигура, которую он сложил последней, по очертаниям напоминала аиста.

В окно било солнце. Префект проводил Мегрэ до двери и дружески пожал ему руку. Мегрэ, однако, не знал, вызовет или нет его поведение недовольство в высоких сферах.

Он медленно раскурил одну из своих трубок и сделал несколько коротких затяжек.

В считанные минуты он только что решил свою будущность, которая совсем скоро должна была превратиться в реальность, потому что через три года его попросят уйти в отставку. Так пусть же, черт возьми, ему позволят употребить эти три года, как он хочет!

Ему не нужно сидеть у себя в кабинете, ему нужно знать, чем живут люди, в каждом новом деле открывать неизвестные миры. Ему нужны быстро, где так часто приходилось коротать время, потягивая перед стойкой пиво или кальвадос – смотря по обстоятельствам.

Ему нужно в собственном кабинете терпеливо вести борьбу с подозреваемым, который упорно молчит, и после многих часов добиваться от него драматического признания.

На сердце у Мегрэ было беспокойно. Он боялся, что после некоторого раздумья его, так или иначе, заставят принять новое назначение. Да предлагай ему даже что-то вроде маршальского жезла, он ни за что этого не захочет!

Мегрэ не отрывал взгляда от трубок, которые время от времени менял местами, как шахматные фигуры. Услышав осторожный стук в дверь, ведущую из его кабинета в инспекторскую, он вздрогнул.

Лапуэнт вошел, не дожидаясь ответа.

– Извините, что мешаю, шеф.

– Ты мне совсем не мешаешь.

Прошло уже почти десять лет, как Лапуэнт поступил в сыскную полицию и за ним закрепилось прозвище Малыша Лапуэнта. Тогда он был худым и длинным. С тех пор несколько повзрослел. Женился. У него появилось двое детей. Но он по-прежнему оставался Малышом Лапуэнтом и – добавляли некоторые – любимчиком Мегрэ.

– Там у меня сидит женщина, которая настаивает, чтобы приняли ее именно вы. Со мной она ни о чем не хочет говорить. Сидит, выпрямившись на стуле, не двигается и полна решимости добиться своего.

Так бывало уже не раз. Из-за газетных публикаций люди настаивали на встрече с ним лично, и часто переубедить их стоило труда. Иные даже являлись прямо на бульвар Ришар-Ленуар, бог знает какими путями раздобыв его домашний адрес.

– Она сказала, как ее зовут?

– Вот ее карточка.

Госпожа Сабен-Левек

бульвар Сен-Жермен, 207-а.

– Она производит странное впечатление, – продолжал Лапуэнт. – У нее неподвижный взгляд и от нервного тика перекашивается правый уголок рта. Перчаток не сняла, но видно, как у нее то и дело судорожно сжимаются руки.

– Позови ее и останься здесь. Возьми на всякий случай блокнот – может, придется стенографировать.

Мегрэ взглянул на свои трубки и с сожалением вздохнул. Передышка кончилась.

Когда женщина вошла, Мегрэ встал.

– Присаживайтесь, сударыня.

Женщина не отрывала взгляда от Мегрэ.

– Вы действительно комиссар Мегрэ?

– Да.

– Я думала, вы толще.

На ней было меховое манти и подобранная к нему шапочка-ток. Что это – норка? Мегрэ совершенно не разбирался в мехах, поскольку жена дивизионного комиссара обычно довольствуется кроликом, в лучшем случае – нутрией или ондатрой.

Госпожа Сабен-Левек медленно, словно составляла опись, обводила взглядом кабинет. Когда у края стола пристроился Лапуэнт с карандашом и блокнотом, она спросила:

– Этот молодой человек останется здесь?

– Да, конечно.

– Он будет записывать нашу беседу?

– Таково правило.

Дама нахмурилась, и пальцы ее сжались на сумочке из крокодиловой кожи.

– Я думала, что смогу переговорить с вами с глазу на глаз.

Мегрэ промолчал. Он разглядывал посетительницу: впечатление она производила на него, как и на Лапуэнта, по меньшей мере странное. Взгляд ее становился то тягостно пристальным, то казался отсутствующим.

– Думаю, вы знаете, кто я?

– Я прочел ваше имя на визитной карточке.

– Вы знаете, кто мой муж?

– Вероятно, он носит ту же фамилию, что и вы.

– Это один из лучших парижских нотариусов.

Тик не прекращался, подергивающийся уголок рта все время полз вниз. Казалось, ей стоило труда сохранять хладнокровие.

– Продолжайте, прошу вас.

– Он исчез.

– В этом случае вам надо обращаться не ко мне. Существует специальная служба, которая занимается пропавшими людьми.

Она иронически, безрадостно усмехнулась и решила не утруждать себя ответом.

Определить возраст посетительницы было трудно. Ей вряд ли было больше сорока, от силы – сорока пяти, но лицо у нее было помятое, с мешками под глазами.

– Вы выпили перед тем, как идти сюда? – неожиданно спросил Мегрэ.

– Вас это интересует?

– Да. На встрече со мной настаивали вы сами, не так ли? Вам следовало подготовиться к вопросам, которые могут показаться вам нескромными.

– Я представляла вас по-другому, более понятливым.

– Именно потому, что я хочу понять, мне необходимо выяснить некоторые вещи.

– Я выпила две рюмки коньяка для храбрости.

– Только две?

Она взглянула на комиссара и промолчала.

– Когда исчез ваш муж?

– Почти месяц назад. Восемнадцатого февраля. Сегодня двадцать первое марта.

– Он сказал, что отправляется в поездку?

– Даже словом мне об этом не обмолвился.

– И вы только сейчас заявляете о его исчезновении?

– Я к ним привыкла.

– К чему?

– К тому, что он отсутствует по несколько дней.

– И так продолжается давно?

– Многие годы. Это началось вскоре после нашей свадьбы, пятнадцать лет назад.

– Он никак не объясняет вам свои отлучки?

– Я не думаю, что он отлучался.

– Не понимаю.

– Он остается в Париже или окрестностях.

– Откуда вам это известно?

– Оттуда, что первое время я посылала следить за ним частного детектива. Затем бросила, потому что каждый раз было одно и то же.

Говорила она с известным трудом и не только потому, что выпила две рюмки коньяка. Да и выпила она вовсе не для храбрости; ее испитое лицо, усилия, которые она прилагала, чтобы держаться в форме, говорили о том, что пьет она часто.

– Я жду от вас подробностей.

– Таков уж мой муж.

– Как это – таков?

– Это мужчина, которого заносит. Он встречает женщину, которая ему нравится, и испытывает потребность пожить с ней несколько дней. До сих пор самая долгая его интрижка, если можно так выразиться, длилась две недели.

– Не собираетесь же вы меня уверять, что он знакомится с ними на улице?

– Почти всегда. Обычно в ночных кабаре.

– Он ходил туда один?

– Всегда.

– Вас с собой не брал?

– Мы давно уже перестали существовать друг для друга.

– Тем не менее вы тревожитесь.

– За него.

– Не за себя?

В ее взгляде промелькнул какой-то вызов.

– Нет.

– Вы его больше не любите?

– Нет.

– А он?

– Тем более.

– Живете вы тем не менее вместе.

– Квартира большая. Ритм жизни у нас разный, и часто встречаться не приходится.

С лица Лапуэнта, продолжавшего стенографировать, не сходило удивление.

– Зачем вы пришли сюда?

– Затем, чтобы вы его нашли.

– Раньше у вас это никогда не вызывало беспокойства?

– Месяц – это долго. Он ничего не взял с собой, даже чемоданчика со сменой белья.

Машинами тоже не воспользовался.

– У вас не одна машина?

– Две. «Бентли» – им он пользуется чаще всего, и «фиат», который более или менее предоставлен мне.

– Вы водите машину?

– Когда я куда-нибудь отправляюсь, меня везет Витторио, наш шофер.

– Вы часто выходите из дома?

– Почти каждый вечер.

– Чтобы увидеться с приятельницами?

– У меня нет приятельниц.

Мегрэ редко приходилось встречать столь отчаявшуюся и столь загадочную женщину.

– Вы ходите по магазинам?

– Магазины я ненавижу.

- Отправляетесь на прогулку в Булонский лес или еще куда-нибудь?
- Я хожу в кино.
- Каждый день?
- Почти. Если не очень устала.

Как у всех наркоманов, наступал момент, когда ей надо было подстегнуть себя, и этот момент настал. Было видно, что она много бы дала за рюмку коньяка, но комиссар ничего не мог ей предложить, хотя в шкафу у него и стояла на всякий случай бутылка. Ему стало немного жаль ее.

- Я стараюсь понять, госпожа Сабен.
- Сабен-Левек, – поправила она.
- Как вам будет угодно. Ваш муж всегда исчезал из дому достаточно надолго?
- На месяц – никогда.
- Вы это уже говорили.
- У меня предчувствие.
- Какое предчувствие?
- Я боюсь, не случилось ли с ним чего-нибудь.
- У вас есть причины так думать?
- Нет. Для предчувствия не надо причин.
- Вы говорите, что ваш муж известный нотариус.
- Точнее, известна его контора, а клиентура – из самых отборных в Париже.
- Как же он может позволять себе периодические отлучки?
- В Жераре почти ничего нет от нотариуса. Контору он унаследовал от отца, но хозяйничает там по большей части старший клерк.
- Вы, кажется, утомлены?
- Я всегда утомлена. У меня слабое здоровье.
- А у вашего мужа?
- В свои сорок восемь он ведет себя как молодой мужчина.
- Если я вас правильно понял, узнать что-нибудь о нем можно, наверное, в ночных кабаре.
- Наверное.

Мегрэ задумался. Ему казалось, что вопросы его не достигают цели, а получаемые на них ответы ничего не дают.

В какой-то момент комиссар подумал, что перед ним сумасшедшая или, во всяком случае, неврастеничка. Он достаточно перевидал их у себя в кабинете, и с большинством хлопот было не обобратиться.

Речь посетительницы казалась нормальной, вразумительной, в то же время создавалось впечатление, что она не совсем адекватна реальности.

- Вы думаете, у него было с собой много денег?
- Насколько я знаю, он обычно пользовался чековой книжкой.
- Вы разговаривали об этом со старшим клерком?
- Мы не разговариваем друг с другом.
- Почему?
- Потому что года три назад муж запретил мне входить в контору.
- У него были на это причины?
- Мне об этом неизвестно.
- Отношения у вас со старшим клерком плохие, но знать-то его вы, по крайней мере, должны?
- Лёкюрёр – так его зовут – всегда смотрел на меня неодобрительно.
- Он уже работал в конторе, когда умер ваш свекор?

- Он поступил туда, когда ему было двадцать два года.
- Может быть, ему больше известно о местопребывании вашего мужа?
- Может быть. Но если его об этом буду спрашивать я, он ничего не скажет.

Ее непрерывный тик начал в конце концов раздражать Мегрэ. Для него становилось все очевиднее, что этот допрос был для его посетительницы сущим наказанием. Тогда зачем она пришла?

- На какой имущественной основе заключен ваш брак?
- На условии раздельного владения имуществом.
- У вас есть личное состояние?
- Нет.
- Муж дает вам все деньги, в которых вы нуждаетесь?
- Да. Деньги для него ничто. Поклясться не могу, но думаю, что он очень богат.

Мегрэ задавал вопросы не в установленном порядке. Он искал во всех направлениях, но до сих пор ничего не нашел.

– Довольно. Вы устали. Оно и понятно. Если позволите, я загляну к вам сегодня после обеда.

- Как хотите.

Она продолжала сидеть, теребя в руках сумочку.

– Что вы обо мне думаете? – спросила она в конце концов. Голос ее звучал глуше, чем раньше.

- Я еще ничего не думаю.
- Вы думаете, я все усложняю, да?
- Не обязательно.
- В лице одноклассники считали, что я все усложняю, и у меня из-за этого никогда не было подруг.
- Однако вы очень умны.
- Вы находите? – Она улыбнулась, и дрожь пробежала по ее губам. – Это мне не помогло.
- Вы никогда не были счастливы?
- Никогда. Я не знаю, что означает это слово.

Она кивнула на Лапуэнта, который по-прежнему сидел за стенограммой:

– Это что, действительно необходимо записывать нашу беседу? Трудно говорить свободно, когда за тобой стенографируют.

- Если вы хотите что-нибудь сообщить мне доверительно, записывать перестанут.
- Теперь мне больше нечего вам сказать.

Она поднялась с некоторым усилием. Грудь у нее была впалая, плечи опущены, она слегка сутулилась.

- Он обязательно должен присутствовать сегодня после обеда?

Мегрэ замешкался с ответом: он хотел дать ей шанс.

- Я приду один.
- В каком часу?
- В наиболее подходящее для вас время.
- Я обычно отдыхаю после обеда. В четыре вам удобно?
- Очень.
- Это на втором этаже. Правая дверь от лестницы.

Руку Мегрэ дама не протянула. Неестественно выпрямившись, она двинулась к двери, словно боясь, что может упасть.

- Тем не менее благодарю, что вы меня приняли, – проговорила она, не разжимая губ.

И, бросив последний взгляд на комиссара, направилась к главной лестнице.

Двое мужчин не отрывали друг от друга взгляда, как будто оттягивали тот момент, когда надо открыть рот и задать вопрос. Разница была в том, что Лапуэнт казался ошеломленным, а комиссара скорее можно было назвать сосредоточенным, правда глаза у него хитро поблескивали.

Он подошел к окну, распахнул его, набил трубку – выбрал он довольно тяжелую. У Лапуэнта кончилось терпение.

– Что вы об этом думаете, шеф?

Сотрудники Мегрэ редко отваживались задавать ему этот вопрос, так как чаще всего слышали в ответ ставшее привычным ворчание: «Я не думаю».

Вместо этого, в свою очередь, последовал вопрос комиссара:

– Об этой истории с исчезновением мужа?

– Скорее о самой...

Мегрэ раскурил трубку, встал перед окном и вздохнул, не отрывая глаз от залитых солнцем набережных.

– Это необычная женщина.

Продолжения не последовало. Комиссар решил не утруждать себя анализом собственных впечатлений и тем более переводом их в связную речь. Лапуэнт понял, что шеф смущен, и пожалел, что задал необдуманный вопрос.

– Может быть, она сумасшедшая? – тем не менее пролепетал он.

Комиссар, не говоря ни слова, исподлобья взглянул на него. Он постоял еще у окна, потом спросил:

– Позавтракаешь со мной?

– Охотно, шеф. Тем более что жена моя у своей сестры в Сен-Клу.

– Минут этак через пятнадцать.

Лапуэнт вышел, комиссар снял телефонную трубку и попросил соединить его с бульваром Ришар-Ленуар.

– Это ты? – спросила его жена, когда он не успел еще открыть рта.

– Я.

– Могу поспорить: ты собираешься сообщить мне, что не придеешь завтракать.

– Ты выиграла.

– Пивная «Дофин»?

– Вместе с Лапуэнтом.

– Новое дело?

Прошло уже три недели, как Мегрэ закончил последнее серьезное расследование, и это желание пообедать на площади Дофина указывало, в принципе, на то, что ему доставляло удовольствие вновь вернуться к оперативной работе. Он как будто показывал кукиш префекту и министру внутренних дел, которым взбрело в голову заточить его в роскошном кабинете.

– Да.

– Я ничего не видела в газетах.

– Газеты еще об этом не заговорили и, может быть, не заговорят.

– Приятного аппетита. Мне тебе нечего предложить, кроме жареной сельди...

Он на секунду задумался, потом, не отрывая взгляда от кресла, на котором сидела посетительница, повесил трубку. Ему казалось, что он видит ее вновь: комок нервов – тик, блестящие глаза.

– Соедините-ка меня с мэтром Демезоном.

Мегрэ знал, что в это время застанет адвоката дома.

– Это Мегрэ.

– Как поживаете? Опять какой-нибудь незадачливый убийца нуждается в защите?

– Пока нет. Я только хочу вас кое о чем спросить. Знаете ли вы на бульваре Сен-Жермен нотариуса по имени Сабен-Левек?

– Жерара? Конечно. Мы вместе изучали право.

– Что вы можете сказать о нем?

– Опять исчез?

– Вы в курсе?

– Все его друзья в курсе. Время от времени он увлекается какой-нибудь красоткой и на ночь или на несколько дней выпадает из жизни. У него ярко выраженная склонность к девицам, которых я называю полупрофессионалками – к стриптизным дивам, например, или наемным танцоркам из кабаре.

– С ним это часто случается?

– Насколько я знаю, раз десять в год...

– Он серьезный нотариус?

– Несмотря на то что на традиционного нотариуса он похож меньше всего на свете, он унаследовал одну из самых блестящих парижских клиентур, почти все Сен-Жерменское предместье¹. Одеваться он предпочитает в светлые тона, бывает, носит твидовые пиджаки в широкую клетку. Это очень веселый малый, жизнерадостный, бонвиван, что не мешает ему распоряжаться вверенным имуществом с исключительным чутьем. Я знаю многих его клиентов и клиенток, которые на него только что не молятся.

– Жену его вы знаете?

Возникло секундное замешательство.

– Да.

– Ну и что?

– Это необычная женщина. Не хотел бы я с ней жить, да и Жерару, вероятно, этого не хочется, так как видится он с ней как можно реже.

– Он с ней появляется где-нибудь?

– Не слышал.

– Есть у нее приятели, приятельницы?

– Тоже не знаю.

– Любовники?

– О ней я не слышал никаких сплетен. Большинство считает ее неврастеничкой или психопаткой. Она здорово пьет.

– Я это заметил.

– Я сказал вам все, что знаю.

– Кажется, муж ее исчез месяц назад.

– И никому не дал о себе знать?

– Вроде бы нет. Именно поэтому она забеспокоилась и явилась ко мне сегодня утром.

– Почему к вам, а не в бюро по розыску пропавших?

– Я спросил ее об этом же. Она ничего не ответила.

– Обычно, если он пропадает на несколько дней, он перезванивается со своим старшим клерком, забыл, как его зовут. Вы разговаривали с ним?

– Я обязательно встречу с ним после обеда.

Уже через несколько минут Мегрэ открыл дверь инспекторской и кивнул Лапуэнту. Тот довольно неуклюже поспешил к нему – он всегда чувствовал себя неловко в присутствии комиссара: Мегрэ был его богом.

– Обойдемся без пальто, – пробурчал комиссар. – Здесь два шага.

Сегодня утром он надел только демисезонный плащ, который висел на вешалке.

---

¹ Аристократический квартал Парижа.

Шаги гулко отдавались на мостовой. Приятно было вновь окунуться в атмосферу пивной «Дофин», в запахи кухни и спиртного. У стойки толпилось много полицейских, которым Мегрэ приветственно помахал рукой.

Они направились прямо в обеденный зал – он был уютный, с видом на Сену.

Хозяин пожал им руки.

– По рюмочке пастиса за приход весны?

Мегрэ подумал и согласился. Лапуэнт последовал его примеру, и хозяин принес рюмки.

– Новое дело?

– Возможно.

– Заметьте, я ни о чем не спрашиваю. Соблюдение тайны у нас гарантировано, и – ни гугу... Что скажете о говядине с рисом и шампиньонами?

Мегрэ смаковал свой пастис – давненько он его не пробовал. На столе появились кое-какие закуски.

– Я все думаю, разговорится ли она после обеда, когда меня там не будет?

– Я тоже об этом думаю.

Они спокойно пообедали и вынуждены были съесть по миндальному пирожному, приготовленному хозяйкой заведения, которая сама принесла их, предварительно вытерев руки о фартук.

Было почти два часа дня, когда оба полицейских поднялись по главной лестнице сыскной полиции.

– Кабинеты переоборудовали, – пробурчал, задыхаясь, Мегрэ, – а поставить лифт не додумались.

Он прошел в кабинет, зажег трубку и принялся за разборку корреспонденции, проделывая это без особого энтузиазма. По большей части это были служебные бумаги, которые надо было заполнить, и донесения на подпись. Время от времени он поднимал глаза к окну и мысленно уносился за пределы кабинета.

Вот и снова весна. Воздух прозрачен, бледное небо, почки уже набухли. Через несколько дней проклюнутся нежно-зеленые листочки.

– Когда вернусь, не знаю, – крикнул он в дверь инспекторской.

На бульвар Сен-Жермен Мегрэ решил отправиться пешком, но пожалел об этом, потому что путь до дома 207-а показался ему неблизким и комиссару не раз пришлось утирать пот со лба.

Большой каменный особняк с потемневшими от времени стенами ничем не отличался от большинства домов на бульваре. Мегрэ толкнул отменно натертую воском дубовую дверь и оказался под сводами коридора, в конце которого виднелся мощный плитам двор и старинные конюшни, переделанные под гаражи.

Золоченый герб нотариуса находился у левой двери, а медная табличка гласила:

Мэтр Ж. Сабен-Левек

нотариус

Справа, из двери, находящейся напротив нотариальной конторы, через стекло привратничкой смотрел на него мужчина.

Утренняя посетительница сказала Мегрэ, что квартира находится на втором этаже. На другой медной табличке с этой стороны значилось:

Профессор Артюр Роллен

педиатр

4-й этаж. Только по записи

Это был, наверное, дорогой врач. Лифт был просторный. Мегрэ, которому предстояло подняться всего на один этаж, предпочел воспользоваться приветливой лестницей со ступенями, покрытыми пушистой дорожкой.

На втором этаже он позвонил. Дверь почти тотчас отворилась, юная и приветливая горничная взяла у Мегрэ шляпу.

– Входите, пожалуйста. Мадам ждет вас.

Мегрэ оказался в холле, стены которого были обшиты деревянными панелями, как и в большой гостиной, куда его провели, – здесь были развешены портреты высокопоставленных особ со времен Империи приблизительно до 1900 года.

Мегрэ остался стоять. Мебель была тяжелая, по большей части стиля Луи Филипп, и если обстановка внушала представление о комфорте и богатстве, то ощущение радости здесь отсутствовало.

– Мадам ждет у себя в будуаре. Я проведу вас.

Они прошли через несколько комнат, обстановку которых Мегрэ не успел рассмотреть, и оказались наконец в будуаре, обитом голубым шелком, где на кушетке полулежала хозяйка дома. На ней был пеньюар более глубокого голубого цвета, чем шелк на стенах, и комиссару была протянута унизанная кольцами рука. Комиссар не мог решить, должен ли он поцеловать или пожать руку, и в конце концов просто коснулся ее кончиками пальцев.

– Садитесь, пожалуйста. Прошу извинить, что принимаю вас в таком виде, но я не очень хорошо себя чувствую и думаю, что после нашей беседы снова должна буду лечь.

– Постараюсь не задерживать вас долго.

– Что вы обо мне думаете?

– Я уже говорил вам утром, что вы очень умны.

– Вы ошибаетесь. Я просто следую своему чувству.

– Позвольте прежде всего задать вам один вопрос. Перед тем как заявить мне об исчезновении мужа, вы спрашивали у старшего клерка, нет ли у него каких-нибудь известий?

– За этот месяц я много раз звонила ему. Квартира соединена с конторой специальным телефоном. Надо вам сказать, что собственностью мужа стал дом, который принадлежал моему свекру.

– Господин Лёкюрёр... Его, кажется, так зовут?.. У господина Лёкюрёра также не было никаких известий?

– Никаких.

– Раньше они у него бывали?

– Я его об этом не спрашивала. Кажется, я говорила вам, что у нас плохие отношения. Она замолчала в нерешительности.

– Могу ли я предложить вам рюмку коньяка, или вы предпочитаете что-нибудь другое?

– Нет. Благодарю.

– Ну а я выпью коньяка. Видите, мне не стыдно пить в вашем присутствии. Впрочем, вам все скажут, что я алкоголичка, и это правда. Может быть, вам также скажут, что я психопатка.

Она нажала на кнопку звонка, и через несколько секунд появился дворецкий.

– Оноре, принесите мне коньяк и рюмку.

– Одну, сударыня?

– Да, одну. Комиссар Мегрэ не испытывает потребности выпить.

В ее новой манере держаться было что-то агрессивное. Она бросала комиссару вызов, и ее страдальческий рот с трудом растянулся в улыбке.

– У вас с мужем общая спальня?

– Она была общей три месяца без нескольких дней сразу после нашей свадьбы. С этой стороны большой гостиной вы – на моей половине. С другой стороны – владения мужа.

- Едите вы обычно вместе?
- Вы меня уже об этом спрашивали. Бывает и так, но ритм нашей жизни не совпадает, и вкусы у нас разные.
- Что вы делаете на отдыхе?
- Мы... Простите, Жерар унаследовал большую виллу под Канном. Мы ездим туда. Жерар недавно купил моторную яхту, и я вижу его там еще реже, чем в Париже...
- Враги у него были, вы не знаете?
- Никого, насколько я знаю. Одна я.
- Вы его ненавидите?
- Даже не ненавижу. И неприязни к нему тоже не питаю. Такой уж у него характер.
- Вы являетесь его наследницей?
- Да, единственной.
- Состояние значительно?
- Оно могло бы соблазнить многих женщин в моем положении. Но дело в том, что деньги меня не интересуют, и я была бы более счастлива в комнатухе на седьмом этаже...
- Почему вы не потребуете развода?
- По лености. Или из безразличия. Наступает такой момент, когда больше ничего не хочется, когда каждый день производишь одни и те же движения, не думая об этом. Дрожащей рукой она схватилась за рюмку.
- Ваше здоровье.
- И залпом осушила ее.
- Видите? Наверное, должна была бы покраснеть.
- Так вам говорил муж?
- Когда я начала пить, да. С тех пор прошли годы.
- А теперь?
- Ему все равно.
- Что бы вы почувствовали, узнав о смерти мужа? Что избавились от него?
- Даже не это. Он так мало значит для меня!
- Вы думаете, с ним могло произойти несчастье?
- Я думала об этом и поэтому пришла к вам.
- Что с ним могло случиться?
- Он обычно находит себе... скажем так, подружек в кабаре, где бывают разные люди.
- Вы знаете какие-нибудь из этих кабаре?
- Два, три – по названию. Я находила рекламные спички с этими названиями.
- Какими же?
- «У Кота в сапогах»... «У прекрасной Елены»... Еще «Крик-крэк».
- Вам никогда не хотелось удостовериться самой?
- Я не любопытна.
- Это я вижу.
- Она налила себе сама: губы ее снова дрожали, взгляд стал тусклым, отсутствующим. Мегрэ показалось, что она только сейчас обнаружила его присутствие и не понимает, что он тут делает.
- В общем, вы подозреваете убийство?
- А вы?
- Почему не болезнь?
- У него железное здоровье.
- Несчастный случай.
- Я узнала бы это из газет.
- Вы звонили в больницы?

– Вчера.

Значит, несмотря на производимое впечатление, она отдавала себе отчет в происходящем. На каминной доске из белого мрамора стояла фотография в серебряной рамке. Мегрэ встал и рассмотрел ее поближе. На ней была снята госпожа Сабен-Левек, наверняка в пору ее девичества: юная девушка в заученной позе. Тогда она была очень хорошенькой, в лице ее было что-то мальчишеское.

– Да, я была такой... Изменилась, правда?

– Эта фотография была сделана до или после вашего замужества?

– Через несколько недель после него. Жерар настоял, чтобы я сфотографировалась у известного фотографа на бульваре Осман.

– Значит, он был влюблен в вас?

– Не знаю. Казалось, что да.

– Все сломалось неожиданно?

– Нет. В первый раз он исчез на сутки, и я ничего ему не сказала. Он наврал, что ездил к клиенту в провинцию. Затем он начал исчезать, когда ему заблагорассудится. Он больше не предупреждал меня. Уходил после обеда, и я никогда не знала, когда он вернется.

– Каков он в семейной жизни?

– Вам все скажут, что он был очень веселым малым, который ладил со всеми и всегда был готов оказать услугу. Иные считали, что он немного ребячлив.

– А вы?

– Мне не на что жаловаться. Видимо, я не нашла к нему подхода или он ошибся на мой счет.

– То есть?

– Решил, что я не такая, какая есть.

– Чем вы занимались до встречи с ним?

– Была секретаршей у одного адвоката. Мэтр Бернар д'Аржан с улицы Риволи. Они были знакомы. Жерар много раз приходил в контору к моему патрону и однажды предложил мне пойти с ним куда-нибудь...

– Вы родились в Париже?

– Нет. В Кемпере.

– Почему вы думаете, что его убили?

– Потому что это единственное объяснение.

– Ваша мать еще жива?

– Да. Отец – его звали Луи Фрасье – умер. Он был бухгалтером. Мать – урожденная княгиня Учевка...

– Вы посылаете ей деньги?

– Естественно. Деньги никогда для Жерара ничего не значили. Он давал мне столько, сколько мне было необходимо, не требуя отчета.

Она допила рюмку и поднесла к губам платок.

– Вы разрешите мне осмотреть квартиру?

– Я вас проведу.

Она поднялась с кушетки и, осторожно ступая, направилась к двери.

Глава 2

Всюду чувствовалось богатство, положение в свете, завоеванное еще в прошлом веке, строгость. Квартира занимала весь этаж, и госпожа Сабен-Левек, которая все еще неуверенно держалась на ногах, начала с осмотра своей половины.

За будуаром оказалась еще одна очень большая комната, стены которой также были затянуты голубым шелком. Судя по всему, это был любимый цвет хозяйки. Постель была не застелена, но госпожа Сабен-Левек не испытывала неловкости от того, что могло предстать нескромному взгляду. Белая мебель. Початая бутылка коньяка на комод.

– Как вас зовут? – спросил Мегрэ.

– Натали. Наверняка, чтобы я помнила о своем русском происхождении.

Ванная комната – и стены, и пол – была из серо-голубого мрамора, здесь, как и в комнате, царил беспорядок.

Затем шла комната со шкафами по стенам, потом комната, которую можно было бы назвать маленькой гостиной – назначение у нее было такое же, как у будуара.

– Если я не обедаю в столовой, то ем здесь.

Она сохраняла безразличие гида, ведущего экскурсию в каком-нибудь музее.

– Теперь мы входим в помещения слуг.

Сначала большая комната с застекленными шкафами, заставленными столовым серебром, потом маленькая белая столовая и, наконец, кухня со старинной плитой и медными кастрюлями. Здесь хозяйничала немолодая женщина.

– Мари Жалон. Она работала тут еще при моем свекре.

– Когда он умер?

– Десять лет назад.

– Значит, вы успели застать его?

– Мы прожили вместе пять лет.

– Вы ладили друг с другом?

– Я была ему совершенно безразлична. В ту пору я обедала в столовой и могла бы сосчитать, сколько раз он заговорил со мной.

– Какие отношения были у него с сыном?

– В девять часов Жерар спускался в контору. У него был там свой кабинет. Не знаю, чем именно он занимался.

– Случалось тогда, что он пропадал?

– Да, на два-три дня.

– Отец ничего ему не говорил?

– Он делал вид, что не замечает этого.

Перед Мегрэ открывался целый мир, обветшалый и замкнутый на самом себе.

Наверное, в прошлом веке или в начале двадцатого здесь устраивались приемы, в гостиных давались балы. Их было две – вторая почти такая же большая, как первая.

Стены были отделаны потемневшими резными панелями.

Повсюду были также картины отошедшей в прошлое эпохи: портреты мужчин с бакенбардами, в высоких воротниках, жестко подпирающих подбородки.

Казалось, что жизнь на секунду остановила здесь свое течение.

– Теперь мы входим на половину мужа.

Кабинет с уходящими к потолку книгами в переплетах. Скамеечка из орехового дерева, чтобы можно было добраться до верхних полок. Наискосок от окна письменный стол с моделью подводной лодки и письменными принадлежностями из темной меди. Все в полном порядке. Ничто не говорило о присутствии здесь живого человека.

- Вечера он проводит здесь?
- Если находится дома.
- Я здесь вижу телевизор.
- У меня тоже есть телевизор, но я его никогда не смотрю.
- Вам случалось проводить вечера в этой комнате?
- Первое время после свадьбы.

Ей стоило определенного труда выговаривать слова, она роняла их, как будто они не имели значения. Уголки губ у нее снова опустились, и это придавало лицу страдальческое выражение.

- Его комната.

Мегрэ успел убедиться, что ящики письменного стола были заперты на ключ. Что могло в них храниться?

Во всей квартире были очень высокие потолки, окна, с задернутыми малиновыми бархатными шторами, тоже очень высокие.

Стены комнаты отделаны панелями, но не деревянными, а из желтой меди. Двухспальная кровать. Кресла со слегка продавленными сиденьями.

- Спали вы здесь?
- Иногда, первые три месяца.
- Уж не ненависть ли сквозила в ее голосе, в выражении лица?

Осмотр продолжался по-прежнему как в музее.

- Его ванная комната...

Здесь все так и оставалось на своих местах: зубная щетка, бритва, щетка для волос и расческа.

- Он ничего с собой не брал?
- Насколько мне известно, нет.
- Гардеробная, как на половине Натали, потом гимнастический зал.
- Он им пользовался?
- Редко. Он погрузнел: толстым его назвать было нельзя, а вот полноватым...

Она толкнула следующую дверь.

- Библиотека.

Тысячи книг, старых и новых, современных, однако, сравнительно мало.

- Он много читал?
- Я не интересовалась, что он делает вечерами. Эта лестница ведет прямо в контору – мы с вами прошли над вестибюлем. Я вам еще нужна?

- Возможно, мне еще надо будет встретиться с вами. Если это случится, я позвоню.

Ее вновь влекла к себе бутылка коньяка.

- Вы, наверное, спуститесь теперь в нотариальную контору?
- Мне действительно хотелось бы поговорить с господином Лёкюрёром. Простите, что побеспокоил вас.

Госпожа Сабен-Левек удалилась: в общем-то, выглядела она жалко, но одновременно вызывала раздражение. Мегрэ начал спускаться по лестнице. Наконец-то он мог раскурить свою трубку – курить ему хотелось еще в квартире.

Он оказался в просторной комнате, где полдюжины машинисток яростно стучали по клавишам и с удивлением поднимали на него глаза.

- Я хотел бы видеть господина Лёкюрёра.

Сотни зеленых папок на стеллажах, как обычно в учреждениях и в большинстве нотариальных контор. Невысокая брюнетка провела его через комнату, где стоял только длинный стол и огромный сейф устаревшей конструкции.

- Сюда, пожалуйста.

Другая комната, где человек неопределенного возраста в полном одиночестве склонился над чем-то. Он безразлично взглянул на Мегрэ, который проследовал в соседнюю комнату, где трудились пятеро служащих.

– У господина Лёкюрёра никого?

– Кажется.

– Вас не затруднит узнать у него по телефону, может ли он принять комиссара Мегрэ?

Им пришлось немного подождать, стоя перед обитой дверью, прежде чем она распахнулась.

– Входите, пожалуйста. Вы мне не мешаете.

Лёкюрёр был моложе, чем представлял его себе комиссар, узнав, что он работал еще при покойном старом нотариусе. Ему, наверное, не было еще и пятидесяти. Это был брюнет с маленькими усиками в темно-сером, почти черном костюме.

– Прошу садиться.

Снова резные деревянные панели на стенах. У основателя конторы была неудержимая склонность украшать стены резными панелями темного дерева.

– Думаю, вас побеспокоила госпожа Сабен-Левек?

Мебель здесь была из красного дерева в стиле ампир.

– Думаю, что именно вы заменяете своего патрона во время его отлучек?

– Я занимаюсь этим как старший клерк. Однако есть документы, подписывать которые я не имею права, что приводит к определенным затруднениям.

Господин Лёкюрёр был человеком спокойным: благовоспитанность, отличавшая его, бывает присуща людям, которым приходится общаться с представителями высшего света. Угодливостью это не назовешь, но в его манере держаться сквозила известная почтительность.

– Он ставил вас в известность в случае подобных исчезновений?

– Нет. Это не сообщалось заранее. Я, конечно, не в курсе его личной жизни. Мне приходилось обходиться собственными предположениями. Он часто выходил вечерами, почти каждый вечер, по правде говоря.

– Минутку. Он активно участвовал в делах конторы?

– Большую часть дня он проводил у себя в кабинете и лично принимал большинство клиентов. Он не производил впечатления занятого человека, и тем не менее дел у него было больше, чем у меня. Особенно в том, что касается управления состояниями, продаж или покупкой замков и владений. Чутье у него было невероятное, и я не мог бы заменить его.

– Его кабинет рядом с вашим?

Лёкюрёр встал открыть дверь.

– Вот он. Обстановка, как видите, того же стиля, но здесь на три кресла больше.

Полный порядок. Ни пылинки. Окна кабинета выходили на бульвар Сен-Жермен, и сюда доносился монотонный шум уличного движения.

Мужчины вернулись на свои места.

– Кажется, обычно эти отлучки не длились больше двух-трех дней...

– В последнее время он исчезал, случалось, и на неделю.

– Ваш патрон держал с вами связь?

– Он почти всегда звонил мне узнать, не случилось ли чего-нибудь, требующего его присутствия.

– Вы знаете, откуда он звонил?

– Нет.

– И вам неизвестно, было ли у него в городе какое-нибудь пристанище?

– Я думал о такой возможности. Он не носил с собой много денег и почти все оплачивал чеками. Прежде чем попасть в бухгалтерию, корешки чеков проходили через мои руки. –

Господин Лёкюрёр нахмурился и замолчал. – Не знаю, вправе ли я касаться подобного рода вопросов. Я приучен к святости профессиональной тайны.

– Но не в том случае, если произошло, например, убийство.

– Вы серьезно об этом думаете?

– Кажется, об этом думает его жена.

Господин Лёкюрёр пожал плечами, давая понять, что мысли госпожи Сабен-Левек не имеют особого значения.

– Признаюсь, я тоже думал об этом. Впервые его отсутствие длится так долго и он не звонит мне. Неделию назад у него должна была состояться здесь встреча с одним из самых наших влиятельных клиентов, одним из самых крупных, если не самым крупным землевладельцем Франции. Он знал о ней. Несмотря на свою рассеянную манеру держаться и легкомысленный вид, он никогда ничего не забывал и в делах профессиональных был скорее въедлив.

– Что вы предприняли?

– Я перенес встречу на более поздний срок, сославшись на то, что патрон находится в больнице.

– Почему, несмотря на свои подозрения, вы не обратились в полицию?

– Это должна была сделать его жена, а не я.

– Она, судя по всему, никогда не появляется в конторе?

– Совершенно верно. Было время, она приходила сюда раз-другой, но не задерживалась.

– Ее встречали не слишком радушно?

– Здесь не были готовы к этому. Даже ее собственный муж.

– Почему?

Он снова умолк, придя в еще большее замешательство, чем прошлый раз.

– Простите, господин комиссар, но вы ставите меня в затруднительное положение. Меня не касаются взаимоотношения моего патрона с его женой.

– Даже если было совершено убийство?

– Это, естественно, все изменило бы. Мы здесь обожаем господина Жерара. Я зову его так, поскольку знал его еще тогда, когда он только закончил университет. Его ценит весь персонал. Никто не позволяет себе обсуждать его личную жизнь.

– Насколько я понимаю, это не распространяется на его жену.

– Она вроде как чужеродный элемент в семье. Я не утверждаю, что она психопатка. Но это как нарывающая заноза.

– Потому что пьет?

– И поэтому тоже.

– Ваш патрон был с ней несчастлив?

– Он никогда не жаловался. Он мало-помалу стал вести свою собственную жизнь.

– Вы только что говорили о корешках чеков, которые проходят через ваши руки. Думаю, что он выписывал их на имя женщин, с которыми проводил большее или меньшее количество дней.

– Я тоже так думаю, но доказательств у меня нет. Эти чеки выписывались на предъявителя, а не на какое-нибудь конкретное лицо. Чеки были и на пять тысяч франков, и на двадцать...

– Сумма каждый месяц была одной и той же?

– Нет. Именно потому я и думаю, что пристанища у него не было.

Теперь они молча смотрели друг на друга. В конце концов старший клерк вздохнул:

– Кое-кто из персонала видел, как он входил в ночные кабаре. Почти всегда в этих случаях он исчезал – ненадолго или надолго.

– Вы ведь думаете, что с ним случилось несчастье?

– Боюсь, что да. А вы, господин комиссар?

– По тому немногому, что я пока знаю, – тоже... Случалось ли, что ему в контору звонили женщины? Наверное, все переговоры идут через коммутатор?

– Я, конечно, разговаривал с телефонисткой. Нет и намека на звонки подобного рода.

– Следовательно, можно предположить, что во время своих исчезновений он пользовался вымышленным именем.

– Есть одна деталь, которую я должен, наверное, сообщить вам. Волноваться я начал еще недели две назад. Я позвонил госпоже Сабен-Левек, чтобы сказать ей об этом, и посоветовал связаться с полицией.

– Что она ответила?

– Что еще нечего волноваться и она сделает это, когда сочтет нужным.

– Она не попросила вас подняться и не спустилась сама, чтобы поговорить с вами?

– Нет.

– Пока у меня нет больше к вам вопросов. Если что-нибудь появится, не считите за труд позвонить в сыскную полицию. Давайте тем не менее уточним. Слуги со второго этажа разделяют чувства служащих конторы к госпоже Сабен-Левек?

– Да. Особенно кухарка. Мари Жалон работает в доме уже сорок лет, она знала господина Жерара еще ребенком и буквально ненавидит ее.

– А остальные?

– Терпят ее присутствие, не больше. Кроме горничной Клер Марель: она предана хозяйке и раздевает ее перед тем, как уложить в постель, когда та валяется на полу.

– Благодарю вас.

– Вы собираетесь начать следствие?

– Козырей у меня для этого маловато. Буду держать вас в курсе дела.

Мегрэ вышел из конторы и около станции метро Сольферино решил заглянуть в кафе. Коньяк он заказывать не стал – комиссар возненавидел его надолго, а ограничился большой кружкой очень холодного пива.

– Есть у вас телефонные жетоны?

Он прикрыл за собой дверь кабины и принялся искать номер телефона мэтра Бернара д'Аржана, у которого, по словам Натали, она работала до замужества. В телефонной книге его не значилось.

Мегрэ допил свое пиво и, остановив такси, назвал шоферу адрес на улице Риволи.

– Подождите меня. Я недолго.

Мегрэ зашел в привратническую, которая была похожа на небольшую гостиную. Привратником оказался седовласый мужчина.

– Будьте добры, мэтр д'Аржан?..

– Он уж лет десять как умер.

– Вы уже работали здесь тогда?

– Я тут тридцать лет.

– Кто занял его контору?

– Это больше не адвокатская контора, а бюро архитектора господина Мажа.

– Из старого персонала там кто-нибудь остался?

– У мэтра д'Аржана была только старенькая секретарша, она ушла на пенсию и вернулась в родные места.

– Вы не знали такую мадемуазель Фрасье?

– Хорошенькая брюнетка, она была все время чем-то возбуждена? Она работала у мэтра д'Аржана лет двадцать тому назад. Работа ей не нравилась, и она пробыла в конторе не больше года. Не знаю, что с ней случилось.

Хмурясь, Мегрэ снова уселся в такси. Разумеется, следствие только начиналось, но началось оно не лучшим образом: зацепиться было не за что. Кроме того, надо было соблюдать тайну, так как нотариус мог прекрасным образом объявиться не сегодня завтра.

Солнце скрылось за домами. Похолодало, и Мегрэ пожалел, что оставил демисезонный плащ в кабинете.

Он остановил такси на углу набережной Орфевр и бульвара дю Пале: ему снова захотелось пива.

То и дело он возвращался мыслями к Натали, этой странной госпоже Сабен-Левек: интуиция подсказывала комиссару, что знает она намного больше, чем сообщила ему.

Он вернулся к себе в кабинет, к своим трубкам; набив одну из них, подошел к двери в инспекторскую. Лапуэнт печатал на машинке. Жанвье устался в окно. Люка был занят телефонным разговором.

– Жанвье, Лапуэнт. Зайдите оба ко мне.

Жанвье тоже понемногу начинал стареть и обзаводиться брюшком.

– Ты свободен, Жанвье?

– В настоящий момент ничего важного. Я разделался с юным похитителем машин...

– Хватит пороку провести ночь на улице?

– Почему бы и нет?

– Как только сможешь, отправишься на бульвар Сен-Жермен и будешь наблюдать за домом двести семь «а». Если женщина, описание которой я тебе дам, выйдет оттуда, пойдешь за ней. Тебе стоит иметь в своем распоряжении машину.

Это довольно высокая, очень худая брюнетка с остановившимся взглядом и нервным тиком. Если она выйдет из дому, то наверняка пойдет пешком, хотя у нее есть шофер и две машины. Одна из них «бентли», другая – «фиат».

Скажи Лурти, чтобы он сменил тебя завтра утром, и передай ему инструкцию.

– В чем она будет одета?

– Когда она приходила сюда, на ней было меховое манто, норковое кажется.

– Хорошо, шеф.

Жанвье вышел, и Мегрэ обернулся к Лапуэнту:

– Что у тебя? Ничего нового?

Лапуэнт, покраснев, запинаясь и избегая смотреть Мегрэ в глаза, промямлил:

– Есть кое-что. Телефонный звонок. Несколько минут назад.

– Кто звонил?

– Утренняя посетительница.

– Что ей было нужно?

– Она сначала спросила, здесь ли вы. Я ответил, что нет. Мне показалось, что она совершенно пьяна.

«А с кем я говорю?» – продолжала она допытываться.

«С инспектором Лапуэнтом».

«Это та девица, что записывала сегодня утром все, что я говорила?»

«Да».

«Ну что ж, передайте от меня комиссару, что он дерьмо. И вы такое же».

По-прежнему смущаясь, Лапуэнт добавил:

– Были такие звуки, как будто там дрались. «Оставь ты меня, ради бога...» У нее, наверное, вырвали трубку, потому что связь прервалась.

Перед тем как выйти из сыскной полиции, Мегрэ сказал Лапуэнту:

– Ты не смог бы заехать за мной на машине часов в одиннадцать?

– Завтра утром?

– Сегодня вечером. У меня появилось желание заглянуть кое в какие ночные заведения.

Госпожа Мегрэ оставила мужу сельди, до которых он был охотник, и Мегрэ начал пировать, рассеянно смотря телевизионные новости. По его виду госпожа Мегрэ поняла, что начавшееся дело – не из обычных и нейдет у него из головы, словно касается его лично.

Это была правда. В тот день, 21 марта, который был теплым и прозрачным, Мегрэ окунулся в мир, совершенно чуждый ему, самое главное, он столкнулся с особой, принадлежавшей к тому типу женщин, которых он еще не встречал, и особа эта сбивала его с толку.

– Достанешь мне темный костюм, самый лучший.

– Что случилось?

– В одиннадцать за мной заедет Лапуэнт. Нам с ним надо заглянуть в два-три ночных кабаре.

– Это поможет тебе развеяться?

– Если я смогу там найти ответы на интересующие меня вопросы.

Устроившись в кресле, Мегрэ задремал у телевизора, а в половине одиннадцатого жена подала ему чашку кофе.

– Если ты собираешься долго не спать...

Сначала он раскурил трубку, потом принялся маленькими глотками отхлебывать кофе. По его мнению, трубка и кофе подходили друг к другу.

Он отправился освежиться в ванну, потом переоделся, как будто то, как он выглядит, могло иметь значение. В глубине души для него так ничего и не изменилось с тех времен, когда, отправляясь в оперу, облачались во фрак, а для ночных кабаре надевали смокинг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.